

С. К. ШАУМЯН

ПРОБЛЕМА ФОНЕМЫ *

В своем замечательном труде «Марксизм и вопросы языкознания» И. В. Сталин, доказав, что у языка есть специфические особенности, отличающие его от других общественных явлений, отстоял против всех и всяких упрощителей и вульгаризаторов марксизма право науки о языке на самостоятельное существование.

«В чем же состоят специфические особенности языка, отличающие его от других общественных явлений?» — спрашивает И. В. Сталин и отвечает: «Они состоят в том, что язык обслуживает общество, как средство общения людей, как средство обмена мыслями в обществе, как средство, дающее людям возможность понять друг друга и наладить совместную работу во всех сферах человеческой деятельности, как в области производства, так и в области экономических отношений, как в области политики, так и в области культуры, как в общественной жизни, так и в быту. Эти особенности свойственны только языку, и именно потому, что они свойственны только языку, язык является объектом изучения самостоятельной науки, — языкознания. Без этих особенностей языка языкознание потеряло бы право на самостоятельное существование»¹.

И. В. Сталин поставил перед советскими лингвистами задачу внедрить марксизм в языкознание. Опираясь на руководящие идеи И. В. Сталина, необходимо критически пересмотреть все, что до сих пор сделано в нашей и зарубежной науке о языке. Надо отсеять идеалистические извращения от подлинных достижений науки о языке и поднять эти достижения на качественно новую ступень, развивая их на основе диалектического материализма. К марксистскому языкознанию применимы следующие слова А. А. Жданова, сказанные им по поводу марксистской философии:

«... марксистская философия является самым полным и решительным отрицанием всей предшествующей философии. Но отрицать, как подчеркивал Энгельс, не означает просто сказать „нет“. Отрицание включает в себя преемственность, означает поглощение, критическую переработку и объединение в новом высшем синтезе всего того передового и прогрессивного, что уже достигнуто в истории человеческой мысли»².

В области изучения звуковой стороны языка к выдающимся достижениям языкознания XX в. принадлежит фонология. Созданная трудами русских ученых, эта лингвистическая дисциплина представляет собой значительный вклад русской науки в мировое языкознание. Мы считаем, что в свете программы марксистского языкознания, начертанной

* Статья С. К. Шаумяна по вопросам фонологии не выражает мнения редколлегии журнала и печатается в дискуссионном порядке. Редакция предлагает обсудить вопросы, затронутые в этой статье, на страницах журнала «Изв. АН СССР, Отд. лит.-ры. и языка».

¹ И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, Госполитиздат, 1952, стр. 36.

² А. А. Жданов, Выступление на дискуссии по книге Г. Ф. Александрова «История западноевропейской философии» 24 июня 1947 г., Госполитиздат, 1947, стр. 13.

И. В. Сталиным, долг советских лингвистов отстоять достижения фонологии против идеалистических извращений со стороны буржуазных лингвистов и, очистив фонологию от метафизической и идеалистической шелухи, разрабатывать ее дальше с точки зрения материалистической диалектики.

Фонология возникла в результате коренного перелома в развитии фонетики — науки о звуках языка. Создание фонологии явилось логическим следствием тех противоречий между исследовательской практикой и эмпирическими представлениями фонетистов, которые нельзя было преодолеть в рамках традиционной фонетики. Благодаря фонологии перед учеными открылось совершенно новое поле исследований, имеющих целью раскрыть собственно лингвистическую специфику звуков языка.

Замечательной чертой, отличающей фонологию от всех остальных лингвистических дисциплин, должно считаться то обстоятельство, что фонология производит решительный переворот в тех представлениях о природе звуков языка, которые кажутся совершенно естественными под углом зрения обыденного опыта. Проникая в сущность звуковой природы языка, мы сталкиваемся с качественно новой областью, в которой привычные нам эмпирические представления оказываются несостоятельными. В этом отношении ломку традиционной фонетики, приведшую к созданию фонологии, можно сравнить с переворотом в классической физике, в результате которого возникла теория относительности и квантовая механика.

Основные понятия фонологии есть абстракции, которые представляются диковинными с точки зрения так называемого «здравого смысла». Однако эти абстракции неопровержимы, потому что они подтверждаются фактами исследовательской практики. Не надо забывать, что когда-то диковинным казалось, например, представление об антиподах, стоящих «вверх ногами». Теперь же оно доступно пониманию каждого школьника.

Имея дело с абстракциями, выходящими за пределы непосредственных, чувственно воспринимаемых данных, фонология в своих принципах оказывается тесно связанной с общими философскими проблемами. Таким образом, фонология, что касается ее принципов, неизбежно оказывается ареной борьбы идеализма и материализма. Борьба идеализма и материализма меняет свои формы в зависимости от прогресса науки. В настоящее время идеализм пытается опереться на те отрасли науки, которые, претерпевая крутую ломку, выдвигают понятия и положения, кажущиеся при всей их истинности диковинными для «здравого смысла». Диковинность новых понятий и положений идеализм пытается обратить против материализма. В действительности же, если новые понятия и положения несовместимы с метафизическим материализмом, то они только подтверждают диалектический материализм.

«Ум человеческий,— писал В. И. Ленин,— открыл много диковинного в природе и откроет еще больше, увеличивая тем свою власть над ней, но это не значит, чтобы природа была созданием нашего ума или абстрактного ума, т. е. уордовского бога, богдановской „подстановки“ и т. п.»³

Необходимо со всей силой подчеркнуть, что борьба с буржуазной идеологией, борьба за окончательную победу материализма над идеализмом требует самого пристального внимания к теоретическим дисциплинам, так как именно теоретические дисциплины непосредственно связаны с философскими проблемами. Пренебрегать разработкой теоретических дисциплин — это значит уступить поле боя идеалистам и ослабить позиции материализма. Философский материализм вырос на гранитном фундаменте конкретных наук и новые успехи философского материализма немислимы в отрыве от дальнейшей разработки конкретных наук, и

³ В. И. Ленин, Соч., т. 14, стр. 268.

в первую очередь теоретических дисциплин, с точки зрения марксистской диалектики.

Теоретические дисциплины, разрабатываемые с точки зрения марксистской диалектики, должны укреплять позиции философского материализма в нашей наступательной идеологической борьбе с капиталистическим миром, и в этом заключается важное значение теоретических дисциплин для общественной практики. Ясно, что отрицать за теоретическими дисциплинами значение для общественной практики способны только узколобые деятели, для которых понятие общественной практики исчерпывается одними лишь производственными и другими чисто прикладными задачами. В действительности же понятие общественной практики включает в себя также идеологические и политические задачи. Именно в связи с этими задачами и необходимо всячески заботиться о разработке на основе марксистской диалектики теоретических дисциплин и, в частности, фонологии.

Следует указать, что фонология имеет также и чисто прикладное значение. Так, например, фонология позволяет сделать более рациональным обучение произношению иностранных языков. Всеми также признана необходимость опираться на фонологию в деле создания алфавитов для бесписьменных народностей и рационализации существующих систем письма. Хотя основные понятия фонологии — абстракции, однако эти абстракции помогают нам ориентироваться при решении чисто прикладных задач. В этой связи мы считаем не лишним привести слова великого русского ученого Д. И. Менделеева по поводу прикладного значения абстракций вообще:

«Чинить и даже строить мосты, лечить и делать всякие другие практические дела, конечно, можно по рецептам, по наглядке, но прямо, судя по опыту, оказывается, что наилучшим способом, т. е. наивыгоднейшим по затрате времени, средств и усилий, практические дела делаются, только исходя из общих начал, только при знакомстве с абстрактами, до них относящимися, с теми интегралами, атомами и невидимыми движениями, прямую пользу которых первоначально вовсе не улавливают»⁴.

В основе фонологии лежит понятие фонемы. Так как фонема — центральное понятие фонологии, то отсюда следует, что невозможно успешно развивать фонологию, не уяснив себе истинную природу фонемы. Проблема фонемы нуждается в серьезном и всестороннем обсуждении.

1. Понятие фонемы

В течение столетий грамматисты отождествляли звук и букву. Это отождествление шло еще от древних греков. Древние греки не делали различия между звуком и буквой. Для них звук и буква были тождественными понятиями. Такой взгляд делал совершенно невозможным научное изучение звуковой стороны языка.

Так дело продолжалось до середины XIX в. В середине XIX в. в языковедение стали проникать методы точных наук. Благодаря улучшению методов исследования языковых фактов выяснилось, что звук и буква не одно и то же, что между звуковой стороной языка и письмом следует проводить строгое различие. В связи с этим ученые приступили к систематическому исследованию условий образования звуков и их физической природы. Так возникла наука о звуках языка, или иначе — фонетика.

До возникновения фонетики, когда звуки отождествлялись с буквами, считали, что в каждом языке количество звуков строго ограничено —

⁴ Д. И. Менделеев, Заветные мысли, СПб., 1903, стр. 261.

сколько букв, столько звуков. Благодаря же фонетике, в результате того, что звуки стали изучаться в речевом потоке с применением инструментальной техники исследования, концепция о количественной ограниченности звуков языка была разрушена. Выяснилось, что чем точнее становятся приемы исследования, тем больше звуков можно обнаружить в языке, и что в сущности количество звуков в каждом языке безгранично. В самом деле: возьмем, например, звук [e] в русском языке. С первого взгляда может показаться, что звук [e] в русском языке представляет собой строго определенную акустический факт. В действительности же это не так. Звуки, обозначаемые буквой *e* в словах *лес*, *петь*, *шесть*, *цепь*, далеко не одно и то же. Налицо четыре звука, которые довольно резко отличаются друг от друга. Чем более точно будем мы исследовать ударные гласные, обозначаемые буквой *e* в русском языке, тем больше мы будем убеждаться, что эти гласные в разных положениях отличаются друг от друга в той или иной степени.

В связи с открытием количественной безграничности звуков в каждом языке в науке возникла необходимость выяснить следующий вопрос: почему говорящие на том или ином конкретном языке не замечают звукового многообразия этого языка? Ведь, несмотря на фактическое звуковое многообразие, говорящие различают только строго ограниченное число звуковых единиц. Чем же объяснить, что количество звуковых единиц в любом языке все же ограничено? Ответ на этот вопрос представлялся настолько простым, что подавляющее большинство ученых считало совершенно излишним даже ставить такой вопрос. В самом деле: почему говорящие по-русски не замечают различия между гласными в словах *лес*, *петь*, *шесть*, *цепь* и подводят их под одну и ту же звуковую единицу [e]? А потому, могло показаться многим, что, очевидно, эти гласные в физическом отношении настолько близки друг другу, что говорящие не в состоянии заметить различия между ними. Таким образом, все должно было казаться простым и ясным: говорящие не замечают звукового многообразия в языке по той причине, что все звуки в языке сводятся к ограниченному количеству звуковых типов на основании акустического родства.

Но, как часто бывает в науке, то, что вначале кажется простым и не заслуживающим внимания, впоследствии оказывается чрезвычайно важным и даже приводит к полному перевороту в научных взглядах и теориях. Так случилось и с вопросом о том, почему говорящие не замечают звукового многообразия в языке и различают только ограниченное число звуковых единиц. Дело в том, что с течением времени ученые столкнулись с фактами, которые заставили их уделить пристальное внимание только что упомянутому вопросу, так как эти факты не совместимы с тем объяснением, будто бы говорящие не замечают различия между данными звуками из-за их акустического родства. Возьмем, например, звук [ɛ] в слове *цел* и звук [e] в слове *цепь*. Допустим, что говорящие по-русски не замечают разницы между обоими гласными из-за их акустического родства. Тогда, спрашивается, почему же говорящие по-французски всегда различают оба эти гласные? Ведь акустическая разница между звуками [ɛ] и [e] во французском языке, скажем, в словах *fait* [fɛ] «сделанный» и *thé* [te] «чай», даже меньшая, чем между русскими звуками [ɛ] и [e] в только что приведенных словах *цел* и *цепь*. Еще пример: в русском языке мы различаем звуки [t] и [d], но в некоторых языках, как, например, в индийском языке хайда, эти звуки не различаются говорящими и считаются разновидностями одной и той же звуковой единицы.

Только что приведенные факты показывают, что если говорящие на данном языке не различают тех или иных звуков, то вовсе не из-за акустического родства этих звуков, а по какой-то другой причине. Таким образом, вопрос о том, почему говорящие на том или ином языке различают одни звуки и не различают другие, казавшийся вначале мало важным

и не заслуживающим внимания, перерос в серьезную проблему, решить которую оказалось не так просто. В самом деле: почему различие между гласными [ɛ] и [e] сознается говорящими по-французски и не сознается говорящими по-русски? Если дело тут не в акустическом родстве этих звуков, то где же следует искать причину?

И вот было установлено, что звуки [ɛ] и [e] представляют собой разные единицы во французском языке потому только, что они могут противопоставляться друг другу в одном и том же положении и различать, таким образом, разные слова. Пример: thé [tɛ] «чай» — taie [tɛ] «наволочка». В русском же языке разница между гласными [ɛ] и [e] не существенна для различения слов. Она целиком зависит от разных позиционных условий, в которых находятся гласные [ɛ] и [e]. Поэтому в русском языке гласные [ɛ] и [e] представляют собой разновидности одной и той же единицы. Действительно: в русском языке в слове *цел* [cɛl] мы находим гласный [ɛ], а в слове *цель* [cɛrʲ] — гласный [e], но разница между этими гласными целиком зависит от позиционных условий: [ɛ] находится перед твердым согласным [l], а [e] — перед мягким согласным [rʲ]. В русском языке невозможно найти такую пару слов, которые бы различались между собой только гласными [ɛ] и [e]. Другое дело во французском языке: здесь только что приведенные слова taie [tɛ] и thé [tɛ] различаются между собой только гласными [ɛ] и [e], и так как эти гласные находятся после одного и того же согласного [t], то различие между ними не зависит от позиционных условий и должно считаться самостоятельным.

Выходит, что звуки [ɛ] и [e] во французском языке представляют собой две разные единицы, а в русском языке — одну единицу, именно как знаки для различения слов. Отсюда следует, что звуки в языке обладают двойственной природой: физической и функциональной. Так, например, звуки [ɛ] и [e], рассматриваемые сами по себе, т. е. как чисто физическое явление, представляют собой разновидности одного и того же звука. Но если их рассматривать как знаки для различения слов, то в одном языке они могут составлять одну единицу, а в другом — две разные единицы. На этом основании возникла необходимость строго отличать понятие звука как единицы, служащей знаком для различения слов, от понятия звука как чисто физического явления. Первое понятие стали обозначать термином «фонема». Разновидности одной и той же фонемы получили название «варианты фонемы». Таким образом, звуки [ɛ] и [e] во французском языке представляют собой разные фонемы, а в русском — варианты одной и той же фонемы. Отношение фонем друг к другу называется «различительной функцией фонем».

Специфика фонем как звуков для различения слов заключается в том, что фонемы могут подвергаться в речевом потоке любым комбинаторным изменениям, лишь бы они не смешивались друг с другом. Разберем это положение на примере. Представим себе язык, в котором у фонем [i], [e] и [æ] артикуляция становится резко открытой, когда они находятся, скажем, в открытом слоге, и сохраняет закрытый характер, когда они стоят в закрытом слоге. Мы вправе допустить, что в артикуляции наших фонем происходит сдвиг на одну ступень открытости. Такое комбинаторное изменение можно показать на следующей табличке:

в закрытом слоге		в открытом слоге
[i]	←→	[e]
[e]	←→	[æ]
[æ]	←→	[a]

Стрелками показаны варианты одной и той же фонемы.

Мы видим, что, несмотря на резкие комбинаторные изменения, функционирование фонем не нарушено, потому что в открытом слоге они не

смешиваются, так же как и в закрытом слоге. Как показывает таблица, вследствие этих комбинаторных изменений возникло положение, при котором варианты разных фонем совпадают физически, и, наоборот, совершенно разные звуки служат вариантами одной и той же фонемы. Наш пример доказывает, что физическое тождество и функциональное тождество качественно отличаются друг от друга. Два физически тождественных звука могут обладать неодинаковой различительной функцией и, стало быть, принадлежать к разным фонемам, и, наоборот, два совершенно непохожих друг на друга звука могут иметь одинаковую различительную функцию, и, следовательно, служить вариантами одной и той же фонемы.

Таким образом, необходимо строго отличать функциональное тождество звуков от физического.

Итак, если соображения о физическом сходстве или несходстве звуков не имеют ровно никакого значения для решения вопроса об их принадлежности к той или иной фонеме, то нам предстоит выяснить, на чем же основано функциональное тождество. Как можно видеть из нашего примера, функциональное тождество двух звуков основывается на том, что они стоят в одинаковом отношении ко всем остальным звукам, которым противопоставляются в соответствующих положениях. Действительно: почему мы считаем [i] и [e] вариантами одной и той же фонемы? Потому что разница между звуком [i] и звуками [e] и [æ] в первом ряду точно такая же, как между звуком [e] и звуками [æ] и [a] во втором. Это можно выразить пропорцией: [i] : [e], [æ] = [e] : [æ], [a], т. е. звук [i] так относится к звукам [e], [æ], как звук [e] к звукам [æ], [a]. В чем же одинаковость этого отношения? В том, что [i] и [e] являются самыми закрытыми гласными каждый в своем фонологическом ряду (фонологическим рядом мы условимся называть фонемы, выделяемые в одном и том же положении; на таблице эти ряды показаны по вертикали). Далее: звук [e] в первом ряду и звук [e] во втором ряду, несмотря на то, что они физически совпадают друг с другом, представляют собой варианты разных фонем. Почему так? Потому что они не стоят в одинаковом отношении ко всем остальным звукам, которым противопоставляются каждый в своем ряду: в первом ряду звук [e] сравнительно с остальными звуками является гласным второй степени открытости и тем самым соответствует гласному [æ] второго ряда, тогда как во втором ряду звук [e] представляет собой гласный первой степени открытости, соответствуя гласному [i] первого ряда. Остальные звуки в нашем примере объединяются как варианты фонем также на основании одинаковости отношения ко всем звукам, противопоставляемым им в данных фонологических рядах.

Итак, какими бы резкими ни были комбинаторные изменения фонем, отношения между фонемами остаются неизменными. Теперь возникает новый вопрос: к чему сводится вообще объективное отражение отношений между фонемами? Определяя отношения между фонемами, мы ссылались на те или иные физические особенности. Так, например, мы говорили, что звуки [i] и [e] должны считаться вариантами одной и той же фонемы, как самые закрытые гласные; или что звук [e] в первом ряду и звук [e] во втором принадлежат к разным фонемам, потому что в первом ряду звук [e] является гласным второй степени открытости и тем самым соответствует гласному [æ] второго ряда, тогда как во втором ряду звук [e] представляет собой гласный первой степени открытости, соответствуя гласному [i] первого ряда. Стало быть, характеризизуя отношения между фонемами, мы не могли обойтись без указания на акустические свойства фонем. Однако мы отмечали только некоторые акустические свойства — именно те, которые характерны для данного отношения. Это — такие акустические свойства, благодаря которым фонемы не смешиваются друг с другом. Так, относительно гласных [i] и [e] мы отметили степень их открытости, но ничего не сказали о месте их образования. Отсюда следует, что различительная функция фонемы обуславливает раздвоение ее

акустических свойств на существенные и несущественные. Существенные акустические свойства фонемы — это те, которые достаточны, чтобы она не смешивалась с другими фонемами. Несущественные же акустические свойства безразличны в этом отношении. Существенные акустические свойства принято называть дифференциальными признаками фонемы. Таким образом, дифференциальные признаки отражают отношение фонем друг к другу, различительную функцию фонем.

Как мы показали, отношения между фонемами остаются неизменными даже при самых резких комбинаторных изменениях. Раз это так, дифференциальные признаки у одной и той же фонемы должны быть всегда одинаковы. На этом основании только те звуки могут считаться вариантами одной и той же фонемы, которые обладают одинаковыми дифференциальными признаками. Так, в нашем примере физически отличные друг от друга гласные [i] и [e] служат вариантами одной и той же фонемы потому, что обладают одинаковым дифференциальным признаком — максимальной закрытостью. Напротив, звук [e] в первом ряду и звук [e] во втором, несмотря на полное физическое сходство, принадлежат к разным фонемам, вследствие неодинаковости своих дифференциальных признаков.

Остановимся ближе на дифференциальных признаках. Как мы видели, дифференциальные признаки данной фонемы зависят от того, каковы остальные фонемы, которым она противопоставляется. Вот почему фонемы в разных языках, физически не отличающиеся друг от друга, могут обладать разными дифференциальными признаками. Так, фонема [k] русского языка физически почти ничем не отличается от фонемы [k] литовского языка. Но какая резкая разница между ними с точки зрения их дифференциальных признаков! Фонема [k] в русском языке имеет следующие дифференциальные признаки: 1) смычность; ср. противопоставление [k] — [x]; 2) заднеязычность; ср. противопоставление [k] — [p]; 3) глухость; ср. противопоставление [k] — [g]. Но в литовском языке фонема [k], которая физически совпадает с фонемой [k] русского языка, обладает только двумя дифференциальными признаками. Первый дифференциальный признак — смычность — у нее отсутствует. Этому причиной, что в литовском языке отсутствует фонема [x], а следовательно, и противопоставление фонем [k] — [x].

Если дифференциальные признаки данной фонемы зависят от всех фонем, которым она противопоставляется, то и она в свою очередь обуславливает дифференциальные признаки этих последних. Так, в русском языке смычность, как дифференциальный признак фонемы [k], зависит от фонемы [x], которой она противопоставляется. Но эта же фонема, в свою очередь, обуславливает тот факт, что у фонемы [x] фрикативность является дифференциальным признаком. Если бы в русском отсутствовала фонема [k], а стало быть, и противопоставление [k] — [x], то у фонемы [x] фрикативность не была бы дифференциальным признаком. Отсюда следует, что в каждом языке фонемы взаимодействуют друг с другом. В связи с этим возникает необходимость в новом понятии — в понятии системы фонем.

Что такое система вообще? Система есть целое, части которого связаны друг с другом не механически, а органически, т. е. они зависят друг от друга и обуславливают друг друга. Свойства каждой части этого целого зависят от совокупности всех остальных частей, т. е. от самого целого. Что такое система фонем? Система фонем есть совокупность фонем данного языка, как различительных единиц, противопоставляемых друг другу. Каждая фонема есть часть этого целого, потому что ее существенные акустические свойства, ее дифференциальные признаки определяются всеми остальными фонемами, которым она противопоставляется.

Итак, каждая фонема определяется совокупностью дифференциальных признаков, присущей только ей одной и отличающей ее от всех остальных фонем. В связи с качественным отличием фонемы от звука, как

чисто физического явления, возникает вопрос: каким образом фонемы разграничиваются в речевом потоке? Совпадает ли функциональное членение речевого потока с физическим? Как известно, с физической точки зрения звуки представляют собой кратчайшие отрезки речевого потока. Отсюда напрашивается вывод, что функциональное членение речевого потока совпадает с физическим. На самом же деле это не так. Кратчайшие в функциональном отношении отрезки речевого потока могут и не быть физически кратчайшими отрезками. Возьмем испанское слово *chino* (*tšino*) «китайский». Здесь [t] и [š] — физически кратчайшие отрезки речевого потока. Но обладает ли каждый из этих отрезков сам по себе различительной функцией? Очевидно, что для этого они должны быть способны независимо друг от друга подвергаться замене другими отрезками. Посмотрим, удовлетворяют ли они этому условию. Если [š] заменить [r], получим *trino* «тройной». Но [t] здесь нельзя ни заменить каким-либо другим звуком, ни устранить вовсе: слова типа [*kšino*], [*pšino*], [*šino*] невозможны в испанском языке, потому что звук [š] вне сочетания с [t] в нем не встречается. Отсюда мы заключаем, что в испанском языке в сочетании [tš] звуки [t] и [š] неотделимы друг от друга в функциональном отношении и что с этой точки зрения кратчайшим отрезком является не [t] и не [š], а само это сочетание целиком. Иначе обстоит дело в немецком языке. Здесь в сочетании [tš] звуки [t] и [š] могут независимо друг от друга заменяться другими звуками. Например, если у слова *Matsch* [*matš*] «месиво» [t] заменим [r], получим *Marsch* [*marš*] «марш». Если же [š] заменим [e], будем иметь *Matte* [*mate*] «пыновка».

Таким образом, с функциональной точки зрения одно и то же сочетание [tš] в одном языке неделимо дальше и служит одной фонемой, а в другом составляет два кратчайших отрезка, две фонемы. Этот пример показывает, что функциональное членение речевого потока не обязательно совпадает с физическим. В действительности функциональное членение речевого потока на фонемы качественно отличается от физического членения его на отдельные звуки. Теоретически можно представить себе языки, в которых кратчайшими в функциональном отношении отрезками и, стало быть, отдельными фонемами служили бы такие сочетания, как [rd] или [st]. Вполне возможны и такие языки, где фонемами являлись бы целые слоги. Каждая фонема определяется специфическими функциональными границами, которые обусловлены функциональным членением речевого потока. Конечно, чаще всего функциональное членение речевого потока совпадает с физическим; чаще всего отдельные звуки представляют собой кратчайшие отрезки речевого потока не только с физической, но и с функциональной точки зрения. Однако это не должно сбивать нас с толку. Мы должны твердо помнить, что, во-первых, функциональное членение речевого потока качественно отличается от физического и что, во-вторых, функциональное членение является единственно существенным членением речевого потока, если рассматривать язык как орудие общения людей. Членораздельность звуков речи, о которой принято говорить в лингвистической литературе, есть в сущности не что иное, как именно функциональное членение речевого потока, если подходить к языку как к социальному явлению.

Выше мы установили, что необходимо строго отличать функциональное тождество звуков от физического. Теперь мы пришли к необходимости столь же строго отличать функциональное членение речевого потока от физического. На этом основании мы можем дать окончательное определение фонемы: фонема есть звуковая единица, служащая знаком для различения слов и в силу своей знаковой природы характеризуемая определенной совокупностью дифференциальных признаков и специфическими функциональными границами.

Такова логическая суть ломки эмпирического понятия звуковой единицы и возникновения функционального понятия звуковой единицы — понятия фонемы. Понятие фонемы ввел в науку в конце XIX в. выдающийся русский ученый И. А. Бодуэн де Куртенэ, профессор Казанского, а затем Петербургского университета. Свое определение фонемы Бодуэн де Куртенэ облек в психологическую оболочку. Он называл фонемами представления звуковых единиц, существующие в сознании говорящих. Однако на деле Бодуэн де Куртенэ держался объективных методов исследования, содержащих в зародыше функциональную точку зрения, последовательное развитие которой и отражено в нашем определении фонемы.

Понятие фонемы вызвало перелом в развитии фонетики. Традиционная фонетика сводилась к физиологии и акустике звуков речи. С открытием же фонемы возникла необходимость создать особую дисциплину, занимающуюся исследованием функциональной природы звуков. На необходимость создания такой дисциплины указал впервые И. А. Бодуэн де Куртенэ. Идею Бодуэна де Куртенэ осуществил на деле другой русский ученый — Н. С. Трубецкой, который и назвал новую дисциплину фонологией, оставив за физиологией и акустикой звуков речи прежнее название фонетики. В задачу фонологии входит изучение законов, управляющих системой фонем как звуковых единиц, служащих знаками для различения слов.

Н. С. Трубецкой — фактический создатель фонологии, и в этом его огромная заслуга перед наукой о языке.

Фонология и фонетика тесно связаны друг с другом, потому что невозможно раскрыть функциональные границы и дифференциальные признаки фонемы, не считаясь с данными фонетического анализа. Особенно наглядно тесная связь и вместе с тем глубокое различие между фонологией и фонетикой выражается в анализе дифференциальных признаков. Для фонетиста все акустические свойства фонемы одинаково существенны, и в его задачу входит лишь возможно более точная и полная характеристика этих свойств. Фонолог же ставит своей целью, опираясь на данные фонетического анализа, определить дифференциальные признаки фонем, т. е. те акустические свойства, которые достаточны, чтобы фонемы не смешивались друг с другом. Выходит, что и фонетист и фонолог заняты исследованием физических свойств фонемы. Однако фонетист изучает физические свойства фонемы сами по себе, тогда как фонолог рассматривает их как зеркало, в котором отражается различительная функция фонемы.

Если подходить к языку, как к орудию общения людей, то собственно лингвистическую специфику звуков речи раскрывает именно фонология. Поэтому фонология должна считаться главной дисциплиной, изучающей звуковую сторону языка; фонетика же по отношению к фонологии имеет вспомогательное значение.

2. Понятие фонемы и марксистская диалектика

Если подойти к фонологии под углом зрения наших привычных эмпирических представлений, то нас не может не поразить тот факт, что в этой дисциплине совершенно одинаковые звуки могут рассматриваться как разные фонемы и, наоборот, резко отличные друг от друга звуки — как варианты одной и той же фонемы. Далее поражает то обстоятельство, что один и тот же отрезок речевого потока, например [tʂ], может составлять в одном языке две фонемы, а в другом — только одну.

Понятие фонемы в глазах эмпириков представляется настолько диковинным, что они, не задумываясь, объявляют фонему досужей выдумкой, которой ничто не соответствует в действительности. Отвергая с порога понятие фонемы, эмпирики ссылаются на то, что понятие фонемы,

дескать, противоречит здравому смыслу. Невозможно представить себе, рассуждают они, чтобы, например, одинаковые звуки служили разными единицами.

Упрямым эмпирикам мы должны ответить, что так называемый «здравый смысл» — плохой руководитель в науке. В науке те или иные понятия, те или иные теории должны рассматриваться не под углом зрения их соответствия или несоответствия нашим привычным эмпирическим представлениям, а по существу, в связи с исследовательской практикой.

Как мы показали, понятие фонемы возникло вовсе не случайно, а в силу жесткой необходимости. В традиционной фонетике понятие звуковой единицы приравнивалось к отдельному звуку. Звуки, родственные в физическом отношении, рассматривались как разновидности одной и той же звуковой единицы. Такое представление о звуковой единице оказалось с развитием науки в непримиримом противоречии с данными исследовательской практики. При подходе к звуковой единице как к чисто физическому явлению оказалось невозможным объяснить, почему, например, одни и те же звуки [ε] и [e] во французском языке составляют две единицы, а в русском — разновидности одной и той же единицы, и только понятие фонемы позволило разрешить подобные противоречия.

Во всякой правильной теории все вытекающие из нее следствия должны рано или поздно подтверждаться на практике. Правильная теория позволяет нам не только объяснить те факты, с которыми мы уже столкнулись в нашей исследовательской практике, но и предвидеть целый ряд новых, еще не встречавшихся фактов. Это в полной мере относится и к теории фонем. Положение, что два одинаковых звука могут служить разными фонемами и, наоборот, два совершенно разных звука — одинаковыми фонемами, выводится из анализа знаковой природы звуков языка чисто теоретическим путем. Этому положению не сразу нашлось подтверждение в исследовательской практике. Однако с течением времени был установлен следующий факт: в датском языке гласные в соседстве со звуком [r] испытывают передвижку в сторону открытости на одну ступень, в силу чего, хотя гласный в слове *ret* «право» физически совпадает с гласным [a], однако с фонологической точки зрения он тождествен [ε], например, в слове *send* «посылай». С другой стороны, хотя гласный [a] в слове *Sand* «песок» и гласный [a] в слове *ret* физически сходны, однако они принадлежат к разным фонемам. Выходит, что в датском языке разные гласные [a] и [ε] могут служить вариантами одной и той же фонемы, а один и тот же гласный [a] может принадлежать к разным фонемам⁵.

Возникнув на основе исследовательской практики, понятие фонемы блестяще подтверждается все новыми и новыми данными исследовательской же практики. Понятие фонемы неопровержимо: Поэтому понятие фонемы и все вытекающие из него следствия надо уметь понять, а не отвергать упрямо.

Ключ к пониманию фонемы заключается в том, чтобы уяснить себе двойственную природу звуков языка — физическую и функциональную. С метафизической точки зрения, утверждение, что звуки языка обладают двойственной природой, представляется совершенно нелепым. В самом деле: для метафизика сущности вещей неизменны. Метафизик рассуждает так: звуки языка представляют собой физическое явление, а потому сущность звуков должна исчерпываться их физическими свойствами и никакой другой сущности у них не может быть. С метафизическим воззрением о неизменности сущностей вещей понятие фонемы действительно оказывается в непримиримом противоречии. Однако дело выглядит совсем иначе, если стать на точку зрения диалектики. Диалектика не признает неизменных, неподвижных сущностей вещей. Как указывает В. И. Ленин, «не только явления переходящи, подвижны, текучи, отде-

⁵ Ср. A. M a r t i n e t, *Phonology as functional phonetics*, London, 1949, стр. 4.

лены лишь условными гранями, но и *сущности* вещей также»⁶. С точки зрения диалектики, сущность звуков языка исчерпывается их чисто физическими свойствами только до тех пор, пока мы рассматриваем звуки языка в ряду других физических явлений. Однако, как только мы берем звуки в связи с функциональной природой языка как орудия общения людей, мы сейчас же открываем, что теперь имеем дело не просто со звуками, а с фонемами — звуковыми единицами, служащими знаками для различения слов. Сущность фонем заключается в их знаковой природе, в их различительной функции, физические же свойства фонем важны не сами по себе, а как субстрат различительной функции.

Двойственная природа, двойственная сущность звуков языка есть объективный факт, который обусловлен двоякого рода связями звуков языка с остальными явлениями действительности, именно: с одной стороны, звуки языка входят в класс физических явлений, а с другой — принадлежат языку как орудию общения людей. Выходит, что звуковую сторону языка можно понять только с точки зрения ее реальных связей с остальными явлениями действительности, как это и требуется диалектическим методом, который считает, что «ни одно явление в природе не может быть понято, если взять его в изолированном виде, вне связи с окружающими явлениями»⁷.

Имея в виду двойственную природу звуков — физическую и функциональную, можно сказать, что в известном смысле фонология так относится к фонетике, как политическая экономия к товароведению. Товар составляет предмет исследования как товароведения, так и политической экономии. Тем не менее методы обеих наук не имеют ничего общего между собой. Суть дела в том, что товар, как и звуки языка, обладает двойственной природой: с одной стороны, он вещь, удовлетворяющая известным человеческим потребностям, а с другой — вещь, которую можно обменять на другую вещь. Первая особенность товара составляет его потребительную стоимость, а вторая — меновую стоимость. Коренное отличие метода политической экономии от метода товароведения обусловлено тем, что политическая экономия исследует товар под углом зрения его меновой стоимости, тогда как товароведение изучает физические свойства товара, его потребительную стоимость самое по себе.

Итак, понятие фонемы несовместимо с метафизическим воззрением о неподвижных сущностях вещей, но служит новым подтверждением диалектического принципа конкретности, согласно которому сущность вещи может изменяться в зависимости от изменения решающих связей вещи с остальными явлениями действительности.

3. Критика идеалистических извращений понятия фонемы

Двойственная природа звуков языка — камень преткновения для лингвистов, не знающих диалектики. Для того чтобы примирить понятие фонемы с метафизическим воззрением о неизменности сущностей вещей, лингвисты, не знающие диалектики, вынуждены либо считать фонему рабочей гипотезой, научной фикцией, служащей для удобства исследования, либо же объявлять фонему и звук совершенно не связанными друг с другом явлениями. В обоих случаях метафизика толкает таких лингвистов в болото идеализма.

К лингвистам, считающим фонему удобной рабочей гипотезой, принадлежит известный французский ученый А. Мартинэ. Вот что он пишет: «Таким образом, фонема есть не что иное, как очень полезная рабочая гипотеза... Мы будем пользоваться термином «фонема» в значительной

⁶ В. И. Ленин, *Философские тетради*, Госполитиздат, 1947, стр. 237.

⁷ И. Сталин, *Вопросы ленинизма*, изд. 11-е, стр. 536.

мере так же, как мы пользуемся термином «мора», т. е. просто-напросто как рабочим инструментом. Надо остерегаться, как бы нам не оказаться в рабстве у инструментов, которые мы сами создаем»⁸.

При таком подходе к делу вопрос о двойственной природе звуков действительно отпадает, потому что если фонема есть всего навсего полезная рабочая гипотеза, то единственной реальностью оказывается непосредственно данное — физическая сущность звуков.

Идеалистическое отрицание объективной реальности фонемы составляет философскую ошибку, которая влечет за собой ошибки в постановке и решении специальных проблем фонологии. Об этом можно судить по следующему высказыванию Мартина: «... Ясно, что известные проблемы, которые представлялись существенными в эпоху, когда фонема была главным предметом заботы фонолога и рассматривалась как основная единица, потеряли смысл после того, как фонему перестали считать элементом, наделенным реальностью»⁹. Отвергнув объективную реальность фонемы, А. Мартинэ растрюсил фонему в дифференциальных признаках. Поэтому он считает совершенно несущественным такой, например, вопрос: представляет ли французское [ɛ̃] самостоятельную фонему или сочетание фонем [ɛ] и [j]?

Глава копенгагенской лингвистической школы Л. Ельмслев идет по другому пути. Он считает звук и фонему самостоятельными явлениями, не зависящими друг от друга. При таком подходе к делу вопрос о двойственной природе звуков также отпадает, однако гипостазированное понятие фонемы.

Ельмслев, превратив фонему в самостоятельную сущность, пришел к логически неизбежному выводу о необходимости отказаться от анализа дифференциальных признаков, так как для такого анализа требуется исследование звукового субстрата фонемы. Ельмслев совершенно изгоняет из фонологии анализ дифференциальных признаков. В силу этого фонема в концепции Ельмслева превращается в абстракцию, оторванную от исследовательской практики.

Как мы уже знаем, понятие фонемы возникло вследствие необходимости решить проблему тождества эмпирических звуковых единиц в традиционной фонетике. Именно решение проблемы тождества привело к ломке эмпирического понятия звуковой единицы и к возникновению функционального понятия звуковой единицы, т. е. фонемы. Однако проблема тождества решается только на основе анализа дифференциальных признаков. Фонологическое тождество двух данных звуков определяется тождеством дифференциальных признаков. Отсюда следует, что, объявив фонему самостоятельной сущностью и в силу этого изгнав из фонологии анализ дифференциальных признаков, Ельмслев превратил фонему в пустую абстракцию, которой ничто не соответствует в действительности.

Концепция Ельмслева находится в тесной связи со взглядами Р. Карнапа, видного представителя реакционной идеалистической философии логического позитивизма. Вот что пишет Ельмслев о своей идейной связи с Карнапом: «... Всякое научное положение должно всегда представлять собой формулировку отношений, исключаящую какое-либо знание или описание субстрата отношений. Этот взгляд Карнапа полностью подтверждает результаты, достигнутые за последние годы в самой лингвистике»¹⁰.

Напрасно Ельмслев пытается опереться на Карнапа. Соответствие концепции фонемы, которой держится Ельмслев, со вздорными философскими взглядами Карнапа может служить только лишним подтверждением глубокой порочности этой концепции.

⁸ «Word», V, 1949, 3, стр. 285.

⁹ A. Martinet, OÙ en est la phonologie, «Lingua», I, 1, стр. 47.

¹⁰ L. Hjelmslev, Structural analysis of language, «Studia linguistica», 1947, № 2, стр. 24—25.

4. Критика эклектической концепции Н. С. Трубецкого

Выше мы определили фонему как звуковую единицу, служащую знаком для различения слов и в силу своей знаковой природы характеризуемую определенной совокупностью дифференциальных признаков и специфическими функциональными границами. Отсюда вытекает требование опираться на анализ дифференциальных признаков при определении вариантов фонемы и строго отличать функциональное членение от физического при разграничении фонем в речевом потоке. Нарушение этого требования составляет коренной недостаток концепции фонемы в фундаментальном труде Н. С. Трубецкого «Основы фонологии».

Вот правило определения вариантов фонемы, приведенное в книге Трубецкого: «В каждом языке существует, с одной стороны, ряд звуков, которые встречаются только в определенном положении, а с другой — ряд звуков, которые не могут находиться именно в этом положении. В этом случае каждый звук первого ряда и наиболее родственной ему в акустико-артикуляционном отношении звук второго ряда представляют собой комбинаторные варианты одной и той же фонемы»¹¹. Правило свое Трубецкой поясняет следующим примером. В русском языке звуки [ö] и [ä] встречаются только между двумя мягкими согласными, тогда как звуки [o] и [a] не могут находиться именно в этом положении. Так как [ö] в качестве губного гласного среднего подъема стоит ближе к [o], чем к [a], и так как [ä] в качестве негубного гласного нижнего подъема более сходен с [a], нежели с [o], то отсюда будто бы следует, что звуки [o] и [ö] являются вариантами фонемы [o], а звуки [a] и [ä] — вариантами фонемы [a]. Мы видим, что при определении вариантов фонемы Трубецкой игнорирует анализ дифференциальных признаков и прибегает к понятию акустического родства, смешивая, таким образом, функциональное и физическое тождество звуков.

При рассмотрении метода разграничения фонем в речевом потоке Трубецкой смешивает функциональное членение речевого потока с физическим. Суть дела заключается в следующем: как мы уже знаем, функциональное членение речевого потока качественно отличается от физического его членения на отдельные звуки. С этой точки зрения любое сочетание звуков, скажем [tš] или [st], может считаться в одном языке за одну фонему, а в другом — за две. Соображения о физической природе этих звуков здесь не играют никакой роли. Задача фонолога состоит только в том, чтобы определить, способны ли звуки, входящие в данное сочетание, заменяться другими звуками независимо друг от друга. Если они способны к этому, то данное сочетание должно считаться за две фонемы, если же нет, то — за одну фонему. Эта, строго функциональная точка зрения чужда Трубецкому, который находится в плену эмпирических понятий. Так, одним из существенных условий того, чтобы данное сочетание звуков могло считаться за одну фонему, Трубецкой признает, например, следующее: артикуляции звуков, входящих в данное сочетание, должны быть тесно связаны между собой, что имеет место у аффрикат и дифтогов. Остановившись на этом условии, Трубецкой указывает, что сочетание [st] или [ks] никогда не могут считаться за одну фонему, потому что они не аффрикаты. На самом же деле можно представить себе язык, в котором такие сочетания, как [ks], должны считаться за одну фонему. Соображения о том, насколько тесно связаны между собой артикуляции этих звуков, здесь не имеют никакого значения. Главное — установить, способны ли эти звуки заменяться другими звуками независимо друг от друга или нет.

В своих работах Трубецкой выступает репетиторным защитником строгого разграничения между фонологией и фонетикой. Чем же тогда

¹¹ N. S. T r u b e t z k o y, Grundzüge der Phonologie, Prague, 1939, стр. 45.

объяснить то, что на деле Трубецкой постоянно сбивался с функциональной точки зрения, смешивая функциональное тождество звуков с физическим и физическое членение речевого потока с функциональным? Эклектизм Трубецкого объясняется тем, что он, не зная диалектики, не сумел окончательно порвать с эмпирическими приемами исследования.

Трубецкой исходил из молчаливого предположения, что эмпирическая видимость явлений должна обязательно совпадать с их сущностью. Так, например, при определении вариантов фонемы Трубецкой опирался на эмпирическое обобщение, в силу которого было установлено, что между вариантами одной и той же фонемы существует относительное акустическое родство.

Он рассуждал примерно так: в русском языке варианты одной и той же фонемы акустически родственны и взаимно исключаются в одном и том же положении, в немецком тоже, во французском тоже, в испанском тоже и т. д. и т. д. Следовательно, существенным признаком принадлежности двух данных звуков к одной и той же фонеме должно считаться то, что они взаимно исключаются в одном и том же положении и вместе с тем акустически родственны друг другу.

Как убедительно показал Энгельс в «Диалектике природы», всякое эмпирическое обобщение проблематично: если данный признак является общим для целой группы явлений или предметов, то это еще не может служить доказательством, что этот признак относится к числу их существенных признаков. Так, например, на основании эмпирического обобщения долгое время ошибочно считали сосцы существенным признаком млекопитающих животных. Однако оказалось, что утконос и ехидна не имеют сосцов. Если бы утконосы и ехидны вымерли и остались неизвестны науке, то эмпирики упорствовали бы в своем заблуждении: ведь сосцы свойственны всем остальным млекопитающим животным.

Точно так же, если мы эмпирическим путем установили, что варианты одной и той же фонемы взаимно исключаются в одном и том же положении и вместе с тем акустически родственны друг другу, отсюда вовсе еще не следует, чтобы эти признаки обязательно были существенными признаками принадлежности звуков к одной и той же фонеме. И действительно: как мы уже знаем, в датском языке вариантами одной и той же фонемы могут служить совершенно разные звуки и, напротив, сходные звуки могут служить разными фонемами. Решающее значение имеет не физическое сходство звуков, а их функциональное тождество, то-есть тождество дифференциальных признаков.

Ясно, что источником эклектизма у Трубецкого явилось его неумение окончательно отказаться от эмпирических приемов исследования и стать на диалектическую точку зрения строгого различения между внешней видимостью явлений и их сущностью.

5. Нейтрализация фонологических противопоставлений. Понятие смешанной фонемы

Зависимость фонем от положения в речевом потоке выражается не только в обычных комбинаторных изменениях, но и в так называемой нейтрализации фонологических противопоставлений.

Что такое нейтрализация фонологических противопоставлений? В известных положениях в звуковом потоке члены некоторых фонологических противопоставлений перестают различаться. Положения, в которых члены фонологических противопоставлений перестают различаться, принято называть слабыми. Возьмем, например, русские слова *куст* — *густ*. Здесь налицо противопоставление фонем [k] — [g]. Дифференциальными признаками, обеспечивающими данное противопоставление, служат глухость и звонкость. Но в русском языке, в конце слов,

противопоставляемые друг другу глухие и звонкие согласные фонемы перестают различаться, или, как иначе говорят, противопоставления глухих и звонких согласных фонем нейтрализуются. Так, в словах *лук* — *луг* вместо противопоставления [k] — [g] мы имеем одно лишь [k], в котором совпали оба члена данного фонологического противопоставления. Это [k] только фонетически сходно с фонемой [k]. Но как различительная единица оно не совпадает ни с фонемой [k], ни с фонемой [g]. Для фонем [k] и [g] глухость и звонкость — дифференциальные признаки, а для [k], стоящего в конце слова, глухость не есть дифференциальный признак, раз в данном положении невозможно противопоставление [k] — [g].

Чем же следует считать это [k], стоящее в конце слова?

Прежде чем ответить на этот вопрос, мы должны со всей силой подчеркнуть, что какие бы то ни были ссылки на акустическое родство здесь столь же несостоятельны, как и при определении комбинаторных вариантов фонемы. В этом нетрудно убедиться, если мы обратимся к другим примерам нейтрализации. Возьмем противопоставление [o] — [a]. Оно нейтрализуется в неударных слогах, причем после твердых согласных в заударном или во втором предударном слоге вместо этих фонем всегда выступает звук [ə]. Так, слова *маховик* (колесо) и *моховик* (гриб) произносятся одинаково [məxav'ík]. Если в словах *лук* и *луг* вместо противопоставления [k] — [g] выступает [k], физически совпадающее с фонемой [k], то в словах *маховик* и *моховик* вместо противопоставления [o] — [a] во втором предударном слоге выступает [ə], которое не совпадает с фонемой [o] или [a] ни по составу своих дифференциальных признаков, ни физически. Таким образом, для звука, выступающего вместо того или иного противопоставления, физическое совпадение с одним из членов этого противопоставления совершенно не обязательно. Суть дела здесь вовсе не в акустическом родстве, а в различительной функции.

С точки зрения различительной функции звук [k], стоящий в конце слова, следует признать смешанной фонемой [k/g], потому что он объединяет в себе фонемы [k] и [g]. Точно так же и звук [ə] должен считаться смешанной фонемой [o/a], причем налицо не только функциональное, но уже и физическое смешение. Под физическим смешением мы имеем в виду то обстоятельство, что [ə] по своему звучанию не совпадает ни с [o], ни с [a] и не может быть соотнесено ни с одним из этих звуков.

Одна и та же смешанная фонема может существовать в нескольких вариантах. Так, в русском языке вариантом смешанной фонемы [o/a] после твердых согласных в заударном и втором предударном слоге, как мы сейчас видели, служит звук [ə], в первом же предударном слоге мы находим другой вариант, звук [a], физически совпадающий с фонемой [a]; ср. слова *ногой* и *нагой*, которые произносятся одинаково [nagój]. Точно так же и смешанная фонема [k/g] имеет два варианта — звук [k] и звук [g].

В фонологической транскрипции физически самостоятельные варианты той или иной смешанной фонемы целесообразно обозначать особыми знаками. Для вариантов же, физически совпадающих с членами нейтрализуемых противопоставлений, удобнее всего сохранять те же знаки, которыми обозначаются эти члены.

Интересно отметить, что ряд фактов нейтрализации фонологических противопоставлений нашел отражение в алфавитах некоторых языков. Так, в авестийском языке противопоставление [t] — [d] нейтрализовалось перед согласными и в конце слова. В связи с этим в авестийском алфавите существовали не только знаки для фонем [t] и [d], но и особый знак для обозначения смешанной фонемы, возникавшей в результате нейтрализации противопоставления [t] — [d]. В древнеиндийском алфавите деванагари мы находим особый знак, который назывался анушвара. Этим знаком обозначалась смешанная носовая фонема, возникавшая в результате нейтрализации противопоставления [n] — [m] в санскрите.

В древнеаттическом диалекте греческого языка знаки ψ и ξ читались как [phs] и [khs]¹².

Почему же для обозначения [phs] и [khs] греки пользовались особыми знаками ψ и ξ , не довольствуясь для этого обычными сочетаниями букв $\varphi\sigma$ и $\chi\sigma$? Ведь буквами φ и χ обозначались фонемы [ph] и [kh], а буквой σ — фонема [s]. Ответа на этот вопрос следует искать в том обстоятельстве, что звуки [ph] и [kh], стоящие перед фонемой [s], не были в функциональном отношении тождественны фонемам [ph] и [kh]. Суть дела заключается в том, что звуки [ph] и [kh], стоящие перед фонемой [s], представляли собой смешанные фонемы, возникшие в результате нейтрализации противопоставлений [b] — [p] — [ph] и [g] — [k] — [kh] в этом положении.

Так как создатели греческого алфавита интуитивно чувствовали, что различительная функция звуков [ph] и [kh] в сочетаниях [phs] и [khs] резко отличается от различительной функции подлинных фонем [ph] и [kh], то они и стали обозначать эти сочетания особыми знаками — ψ и ξ ¹³.

Итак, исследование нейтрализации фонологических противопоставлений заставило нас выдвинуть понятие смешанной фонемы. Это понятие основано на анализе дифференциальных признаков. Так как проблема нейтрализации составляет частный случай общей проблемы функционального тождества, то необходимость опираться на анализ дифференциальных признаков при решении проблемы нейтрализации очевидна. В связи с этим мы находим нужным остановиться на одной ошибочной теории, которую отстаивают некоторые московские лингвисты. Мы имеем в виду теорию о двух разновидностях фонемы — вариациях и вариантах. Приверженцы этой теории не видят, что проблема нейтрализации подчинена общей проблеме функционального тождества.

Для того чтобы разобраться в существе теории вариаций и вариантов, остановимся на конкретном примере. Возьмем звук [t] в слове *пруд* [prut]. Этот звук, находящийся в слабом положении, можно рассматривать с трех точек зрения:

1) С точки зрения того, какие звуки могут ему противопоставляться в данном положении. Это — функциональная точка зрения, единственно законная в фонологии. Так как в данном положении невозможно противопоставление [t] — [d], то мы заключаем, что по своей различительной функции это [t] отличается от фонемы [t].

2) С точки зрения физического сходства с другими фонемами. Это фонетическая точка зрения. В этом случае мы говорим об акустическом совпадении данного [t] с фонемой [t].

3) С точки зрения происхождения этого [t]. Это — генетическая точка зрения. Сравнивая именительный падеж *пруд* с косвенными падежами *пруда*, *пруду* и т. д., мы устанавливаем, что данное [t] возникло из фонемы [d] в силу синхронической закономерности, по которой звонкие согласные в конце слова оглушаются и переходят в соответствующие глухие.

Именно на эту последнюю точку зрения сбиваются некоторые авторы при исследовании различительной функции звуков в слабом положении. Таков источник теории о двух разновидностях фонемы — вариациях и вариантах. Термин «вариация» у сторонников этой теории в точности совпадает с общепринятым термином «вариант». Освободившимся же таким образом термином «вариант» они пользуются для обозначения звуков в слабом положении, которые они отождествляют будто бы по различительной функции, а на самом деле с генетической точки зрения с той или

¹² См. M. Grammont, *Phonétique du grec ancien*, Lyon, 1948.

¹³ Ср. N. S. Trubetzkoy, *Charakter und Methode der systematischen phonologischen Darstellung einer gegebenen Sprache*, «Archives Néerlandaises de Phonétique Experimentale», VIII—IX, 1933.

иной фонемой. Так, по теории вариаций и вариантов в словах *дуга* [dugá], *ноге* [nag'é], *ног* [nok] звуки [g] и [g'] являются вариациями, а звук [k] вариантом фонемы [g]. Мы видим, что пока приверженцы этой теории объединяют звуки [g] и [g'], они стоят на функциональной точке зрения; называя же звук [k] вариантом фонемы [g], они сбиваются с функциональной на генетическую точку зрения.

6. Недоразумение по поводу фонемы

В лингвистической науке существует взгляд на фонему как на звуковой тип. Такого взгляда у нас держался покойный акад. Л. В. Щерба, а за рубежом держится английский ученый Д. Джоунз.

Вот как определяет фонему акад. Щерба: «...В живой речи произносится значительно большее, чем мы это обыкновенно думаем, количество разнообразных звуков, которые в каждом данном языке объединяются в сравнительно небольшое число звуковых типов, способных дифференцировать слова и их формы, т. е. служить целям человеческого общения. Эти звуковые типы и имеются в виду, когда говорят об отдельных звуках речи. Мы будем называть их **фонемами**»¹⁴. Сходное определение фонемы находим у Джоунза: «Фонему можно определить как группу однотипных звуков в данном языке, состоящую из основного звука и других родственных ему звуков»¹⁵.

Приравнивание фонемы к звуковому типу основано на недоразумении. Как мы показали выше, понятие фонемы возникло именно в результате ломки эмпирического понятия звуковой единицы как звукового типа. До тех пор, пока звуковые единицы языка приравнивались к звуковому типу, было непонятно, каким образом однотипные звуки [ε] и [e] во французском языке составляют две единицы, а в русском — одну.

Необходимость в понятии фонемы появилась только тогда, когда стало ясно, что принадлежность двух данных звуков к одной и той же звуковой единице не зависит от их акустического родства, от их принадлежности к одному и тому же звуковому типу. Если бы здесь дело было в акустическом родстве, то, конечно, не было бы нужды ни в новом понятии, ни в новом термине. Достаточно было бы пользоваться старым термином «звук». Щерба и Джоунз, приравнивая фонему к звуковому типу, передевают старое эмпирическое понятие звука речи в новый термин.

Существует мнение, будто бы Щерба — один из создателей учения о фонеме. Мы высоко ценим заслуги Щербы в развитии физиологии звуков речи, однако должны со всей решительностью сказать, что приравнивание фонемы к звуковому типу — плод недоразумения. Недаром Щерба считал звуки [i] и [y] в русском языке разными фонемами, хотя еще Бодуэн де Куртене, стихийно стоявший на функциональной точке зрения, решительно утверждал, что эти гласные представляют собой разновидности одной и той же фонемы. Данные современной фонологии полностью подтверждают мнение Бодуэна де Куртене. Гласные [i] и [y] в русском языке обладают тождественными дифференциальными признаками, а потому должны считаться вариантами одной и той же фонемы.

Следует отметить, что как у последователей Щербы, так и у последователей Джоунза передевание старых понятий в фонологическую терминологию принимает все более и более широкие размеры. Образцом такого передевания может служить у нас книга А. Н. Гвоздева «О фонологических средствах русского языка» (Москва, 1949), а за рубежом книга R. H. Stetson «The bases of phonology» (Ohio, 1945).

¹⁴ Л. В. Щерба, Фонетика французского языка, 2-е изд., 1939, стр. 16—17.

¹⁵ D. J o n e s, On phonemes, «Travaux du cercle linguistique de Prague», IV, 1931, стр. 74.

7. Понятие фонемы и изучение истории звуков языка

Исследование понятия фонемы подводит нас к вопросу: что нового вносит это понятие в изучение истории звуков языка? Систематическое изложение принципов диахронической фонологии и критика относящихся сюда теорий не входят в план настоящей статьи, поэтому мы остановимся только на некоторых пунктах, которые нам кажутся наиболее существенными.

Коренной недостаток традиционной исторической фонетики заключается в том, что она не имеет ясного представления о предмете своего исследования. Традиционная историческая фонетика утверждает, что она занимается изучением истории звуков языка. Но при этом она не задается вопросом: а что такое звуки языка? Есть ли звуки, как они даны нам в непосредственном, чувственном опыте, реальные единицы речевого потока?

Игнорируя проблему единиц, традиционная историческая фонетика остается на поверхности явлений, она не умеет отличить внешнюю видимость явлений от их сущности. Покажем это на примере.

В работах по истории польского языка говорится, что древнепольские звуки [i] и [y] в польском литературном языке и в ряде диалектов сохранились, а в некоторых диалектах [y] совпало с [i]. В тех диалектах, где произошло такое совпадение, слова *syn*, *ryba* произносятся *siń*, *riba*. Диалектология старательно отмечает этот факт как одну из существенных особенностей, отличающую данные диалекты от остальных диалектов и литературного языка. В действительности же здесь мы имеем дело с чисто внешним отличием, не затрагивающим систему фонем. В самом деле: звуки [i] и [y] в польском литературном языке и тех диалектах, где они различаются, обладают одинаковыми дифференциальными признаками и, стало быть, должны считаться вариантами одной и той же фонемы. Отсюда следует, что разница в произношении между *syn* и *siń* несущественна для характеристики польских диалектов. На всей польской языковой территории мы имеем одну и ту же фонему [i].

С другой стороны возьмем такой факт. Если сравнивать польский литературный язык XVI в. с современным польским литературным языком, то с точки зрения традиционной исторической фонетики носовой гласный [ɛ] остался тождествен самому себе. Эта констатация звукового тождества затрагивает только внешнюю сторону дела. В действительности же, как показывает фонологический анализ, гласный [ɛ] в XVI в. представлял собой самостоятельную фонему, а в современном языке служит всего лишь вариантом сочетания фонем [en] или [em]¹⁶. Таким образом, фонология вскрывает глубокое качественное различие явлений там, где традиционная историческая фонетика довольствуется констатацией внешнего тождества.

Выходит, что, игнорируя проблему единиц, традиционная историческая фонетика оказывается неспособной отделить существенное от несущественного. Она старательно отмечает изменение [y] в [i], не затрагивающее систему фонем, и остается слепой к глубокому качественному различию между [ɛ] в XVI в. и [ɛ] в современном польском литературном языке.

В противовес такому положению вещей в традиционной исторической фонетике, фонология выдвигает требование строго различать между функциональными и нефункциональными изменениями системы фонем. Фонология не в меньшей степени, чем традиционная историческая фонетика, тщательно отмечает все эмпирические факты изменений звуков, однако она не хочет оставаться на поверхности этих фактов. По поводу

¹⁶ Об [ɛ], а также [i] и [y] в современном польском литературном языке см. С. К. Шаумян, Система гласных фонем современного польского литературного языка, «Ученые записки Института славяноведения», т. III, 1951.

каждого звукового изменения она спрашивает, должно ли данное звуковое изменение считаться существенным, функциональным звуковым изменением или же несущественным, нефункциональным. Фонология стремится за внешней видимостью явлений открыть их сущность. Исследование разнообразных типов функциональных изменений системы фонем составляет одну из важнейших задач фонологии.

Строгое различие функциональных и нефункциональных изменений системы фонем ведет за собой необходимость отказать от рассмотрения звуковых изменений одного в отрыве от другого, как это делается в традиционной исторической фонетике. В самом деле: дифференциальные признаки каждой фонемы определяются всеми остальными фонемами, которым она противопоставляется. Поэтому, чтобы разобраться в функциональных изменениях, т. е. в исчезновении одних дифференциальных признаков и возникновении других, необходимо рассматривать систему фонем в целом. Именно исходя из целостного рассмотрения системы фонем, фонология может устанавливать функциональные изменения даже по отношению к таким звукам, которые сами по себе, физически, не изменились, как это мы показали на примере гласного [e] в польском языке. Таким образом, принцип целостного рассмотрения системы фонем составляет логически неизбежное следствие приложения функциональной точки зрения к изучению истории звуков языка.

Перейдем теперь к проблеме причин звуковых изменений. Традиционная историческая фонетика рассматривает звуки языка как чисто физическое явление, создаваемое работой речевого аппарата, которым управляет центральная нервная система говорящих. На этом основании традиционная историческая фонетика пытается свести причины звуковых изменений к физиологическим и психологическим факторам. Фонология смотрит на дело иначе. Она исходит из того факта, что звуки языка обладают двойственной природой — физической и функциональной. Как физическое явление звуки языка подвержены действию физиологических, психологических и других внешних факторов. Однако действие этих факторов сталкивается с функциональной стороной звуков языка, представляющей собой частное проявление общей функции языка служить средством общения людей. Звуки языка как фонемы образуют фонологическую систему. Фонологическая система есть инструмент различения слов, и для того чтобы этот инструмент действовал исправно, необходимо обеспечить условия, способствующие максимально четкому противопоставлению фонем. Чем более четко противопоставляются фонемы в данной фонологической системе, тем эффективнее должна считаться эта фонологическая система. Действие физиологических, психологических и других внешних факторов может быть сколько-нибудь свободным только в том случае, когда оно либо повышает эффективность фонологической системы, либо не затрагивает фонологическую систему вовсе. Если действие внешних факторов грозит подрывать эффективность фонологической системы, то оно встречает противодействие со стороны фонологической системы. Те особенности структуры фонологической системы, которые обеспечивают эффективность фонологической системы, можно назвать внутренними, функциональными факторами. Движущую силу развития фонологической системы составляет непрерывное взаимодействие между нефункциональными и функциональными факторами. В этом взаимодействии решающее значение имеют функциональные факторы, так как для всякого языка как орудия общения людей жизненно необходимо, чтобы поддерживалась эффективность его фонологической системы.

Не имея здесь возможности входить в рассмотрение разных случаев взаимодействия функциональных и нефункциональных факторов в процессе развития фонологической системы, остановимся только на одном примере. Сравним начальные слоги в итальянском *quaranta*, испанском *cuarenta* и французском *quarante* «сорок». В первых двух случаях произ-

носится [kwa], а в последнем [ka]. Если принимать в расчет только действие внешних факторов, то можно заключить, что исконное [kwa] изменилось во французском языке в [ka] в силу тенденции к утрате губного элемента. Однако такой вывод не затронет существа дела. Существо же дела состоит в том, что во французском языке изменению [kwa] в [ka] предшествовала палатализация [k] в исконном сочетании [ka]. Вследствие этой палатализации второй член исконного противопоставления [kwa] — [ka] был устранен и поэтому упрощение [kwa] в [ka] не могло нарушить нормального функционирования фонологической системы. Что же касается итальянского и испанского языков, то в этих языках палатализация исконного [k] перед [a] не имела места, а потому исконное противопоставление [kwa] — [ka] сохранилось до настоящего времени. Отсюда следует, что тенденция к устранению губного элемента в исконном сочетании [kwa] могла существовать не только во французском, но и в итальянском и испанском языках, однако функциональный фактор — особенности фонологической структуры слова — благоприятствовал осуществлению этой тенденции в первом случае и противодействовал ему во втором.

Итак, традиционная историческая фонетика, не умея отделить сущность от внешней видимости явлений, оказывается неспособной раскрыть внутренний смысл звуковых изменений в языке. Подлинный историзм в деле исследования звуковых изменений языка должна обеспечить фонология, разрабатываемая с точки зрения марксистской диалектики.